

Е. А. Легенькова

Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элены Самиос-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати¹

До нашумевшего путешествия в СССР Андре Жида (1936) только путешествие Панаита Истрати (1927–1929) имело столь мощный общественный резонанс и стало крупным фиаско советской идеологической машины. «Румынского Горького», открытого Р. Ролланом и писавшего по-французски с помощью Ж.-Р. Блока, пригласили в СССР на празднование десятой годовщины Октябрьской революции². Этот пролетарский писатель приехал, полный иллюзий и надежд, намереваясь остаться навсегда. Результатом стала книга «К другому пламени. После полутора лет, проведенных в СССР. Исповедь для побежденных»³ — свидетельство человека, все ожидания которого были опровергнуты советской действительностью. Опубликованная в издательстве «Ридер» (1929), она не переиздавалась до 1980 г.⁴ В переиздании 1987 г. документальные приложения показывают, как эволюция отношения Истрати к СССР была воспринята современниками. Травля Истрати, инспирированная из СССР, где его называли двуличным, предателем, агентом румынской сигуранцы (тайной полиции)⁵, нашла свое продолжение и на страницах французской левой печати⁶.

Приглашение Истрати входило в пропагандистские планы советской стороны: от него ожидали панегирика и его покупали⁷. Признавая прекрасный прием и щедрые гонорары, Истрати, однако, добавляет: «Советы всё устроили на широкую ногу. Но не настолько, чтобы, как тогда утверждали, покупать чужую совесть. Это и неправда, и несправедливо»⁸. Ожиданий Советов он не оправдал. Ценой сомнений, внутренней борьбы и вопреки советам «осторожнейшего»⁹ Р. Роллана, он опубликовал свою «исповедь для побежденных», где не скры-

**Легенькова
Елизавета
Александровна,**
*кандидат
филологических наук,
Санкт-Петербургский
гуманитарный
университет
профсоюзов
(Санкт-Петербург,
Россия)*

вает разочарования и со всем пафосом обманутого Кандида разоблачает лживый образ СССР, навязываемый советской пропагандой. Истрати предупреждает: «Не следует ждать, что я подробно и живописно... расскажу о том, сколько я проехал, что увидел, перечувствовал и передумал... Это невозможно по многим причинам, главная из них — мне больше не хватает мужества. Я поехал туда с мыслями и устремлениями, которые в пути превратились в прах»¹⁰.

В повествовании возникает образ страны диктатуры пролетариата, а материалом служат «все внутренние конфликты, и их низость, социальные драмы и их жестокость, уникальный в своем роде нравственный упадок»¹¹. Делясь впечатлениями, ратующий за социальную справедливость Истрати не забывает о своих пролетарских корнях и классовом долге.

Одну из частей книги («В СССР») он выстраивает в хронологическом порядке, начиная со своего отъезда из Парижа, пересечения советской границы с ее знаменитой аркой с надписью: «Пролетарии всех стран! Объединяйтесь!» Этот лозунг Истрати, умудренный горьким опытом пребывания в СССР, развивает: «Объединяйтесь и не посылайте больше делегаций дураков, ничего не видящих и ничего не приносящих. Поезжайте одни, без гидов, без руководства, и вы почувствуете, сколь глупыми вы бы ни были, гораздо больше, чем все мировые вожди»¹². Путешествие позволило ему сначала вкусить все прелести советского приема с опекой в лице гидов Интуриста¹³, а затем добиться возможности самостоятельных поездок.

Торжества¹⁴ — это прекрасный повод для «сентиментальной большевизации, основанной... на великодушии “независимых духом” людей, которых пригласили увидеть пролетариат в деле»¹⁵. Гости, считает он, могли видеть только то, что им показывали, и говорить, только получив установку. «Когда великое Государство, которое, прежде всего, должно быть моральным..., жертвует всем своим достоянием ради обмана, на своем пути оно может встретить только плутов»¹⁶. В официальной части, где «к счастью, были идея, чувство, порыв в будущее», приняли участие полтора миллиона человек, готовые «умереть ради того, чтобы поглощавшее их пламя завоевало всю землю»¹⁷. Вечером люди стеклись на площадь, празднуя уже неофициально, демонстрируя свой революционный энтузиазм, резюмируемый словами: «Как же велико то, что мы совершили в день Красного октября 17 года»¹⁸. Но за пафосом праздника Истрати сумел увидеть и другое: самоубийство советского дипломата и революционного деятеля А. А. Иоффе и лишение представителей оппозиции возможности выступить перед народом¹⁹. Он поражен открытой ненавистью властей к оппозиции, заклеенной в издававшемся на французском, английском и немецком языках листке как «предатели», «белые», «контрреволюционеры», «меньшевики»²⁰. Показная парадность вызывали у него желание найти собственные пути знакомства с СССР²¹.

Первое путешествие на Кавказ он совершает в составе официальной делегации, вместе с греческим писателем Никосом Казандзакисом²². Затем они в революционном порыве посетили Грецию, а вернувшись в СССР, пригласили к себе своих друзей, Мари-Луиз Бо-Бови по прозвищу Билили, и Элени Самиос. Казандзакис писал Элени: «Мы намерены оба остаться в СССР... я мог бы пригласить вас в Москву. ...Истрати любит чудесную женщину... Она должна приехать к нему в Россию»²³.

Элени Самиос-Казандзакис оставила свое свидетельство об этом путешествии²⁴ уже после смерти Истрати²⁵. «Героем моей книги станет мужчина, приближающийся к сорокалетию, изможденный, со впалой грудью, добрыми, беспокойными и жаждущими глазами, порывистыми движениями, широкой душой, в постоянном кипении, похожий на страну, которую он пытался понять»²⁶, — пишет она. Выступив в защиту оклеветанного писателя, она по-своему рассказывает об этом путешествии.

Благодаря помощи А. Луначарского и О. Каменевой путешественникам разрешили свободное перемещение на всей территории СССР. Поездка продолжалась с августа 1928 г. по январь 1929 г. и должна была закончиться «апофеозом славословия Советской России»²⁷. Проследим вкратце этапы этого «большого пути», объединив свидетельства Истрати и Элени Самиос.

У Истрати рассказ о путешествии представлен в главе «В СССР»²⁸. Это дневниковые записи, отредактированные в соответствии с изменившимися у него представлениями о советском социализме, большевиках и их вождях. Как писал Б. Суварин, у Истрати «чувства заменяли доктрину, он инстинктивно вставал на сторону бедных, эксплуатируемых и жертв»²⁹. В авторских отступлениях он с присущим ему темпераментом обрушивается на все, что вызывает у него негодование: «Будьте прокляты, политики и догмы, совершающие подобные преступления; вы ссорите людей, верящих в одно и то же; сеете ненависть в сердцах человеческих братьев...»³⁰ Воспоминания Элени об этом путешествии полны тонких наблюдений, подробностей, экзотизмов, анекдотов, делающих чтение информативным. В основе книги — путевые заметки, письма, которые она или Истрати писали Казандзакису; цитаты из них придают тексту необходимую достоверность и документальность. Она наблюдает за происходящим с чисто женским любопытством. Принимая во внимание женский взгляд, подмечающий детали, которые в мужском восприятии оказываются второстепенными и недостойными той великой задачи, которую Истрати ставит перед собой — понять уникальный социальный эксперимент СССР, можно говорить о гендерных различиях в описании одного и того же путешествия.

Подробный рассказ Элени начинается с поездки в Нижний Новгород в августе 1928 г.: «Согнувшись под тяжестью своего рюкзака, с фотоаппаратом наперевес... в одной руке держа портативный ремингтон, а в другой — большой алюминиевый кувшин для воды, Панаитики... бойко протискивается среди потока одетых в белое людей»³¹. Под стать ему Казанд-

заки, одетый в сшитое в Греции и расползающееся по швам хаки. Их спутницы, в красных косынках, едва поспевают в толпе. Они едут в жестком вагоне, и Билили приготовила спальные мешки в розовый горошек, чтобы уберечься от клопов и вшей. Упоминается аппетитно запеченный с картошкой гусь, которого можно дешево купить на каждой станции вместе с арбузами и яблоками. В пути женщины беспрестанно что-то штопают, Истрати пьет кофе, а Казандзакис читает Данте. И они едут одни.

Цель начала путешествия — посещение знаменитой Нижегородской ярмарки: унылой, пришедшей в упадок, со старой каруселью³². Частной торговли нет, люди интересуются только предметами первой необходимости: алюминиевыми изделиями, обувью, мылом, инструментами и машинами. В продукции кустарных промыслов Истрати восхищает сохранившаяся в пролетарских сюжетах византийская традиция росписи. В чайной — чай из самовара и сахар вприкуску (prikouchka)³³. Из скупого отчета Истрати известно, что «две пары в поисках веры» предоставлены сами себе. Отсутствие соглядатаев упрощает их общение с народом: «В нас они видят иностранцев без гидов и открываются, искренние, удрученные и все же, остающиеся верными режиму, который сами и установили»³⁴. О ярмарке ни слова, зато упоминается Барбюс, госпитализированный в Нижнем, так как «путешествует самолетом, а там — сквозняки»³⁵. Объяснение этой иронии — в амбициях Истрати: «Везде, встречаясь с литераторами, Истрати надеется на теплый прием. Этому большому ребенку необходим не подхалимаж, а теплая волна симпатии. Но Барбюс... прохладно встречает своего восточного “друга”»³⁶. Их беседа Элени неинтересна, но она угадала немой вопрос Истрати: «Кто из нас двоих лучше напишет книгу о советской России?»³⁷

После посещения писчебумажной фабрики в Балахне у Истрати осталось ощущение фальшивости: «Все слишком прекрасно. Особенно эта замечательная бумажная фабрика в Балахне, под Нижним, одна из четырех самых крупных в Европе, но она не работает и не будет работать, ибо тележник не может сразу стать аптекарем. Но как обставлено!»³⁸ Директор, расхваливающий преимущества коллективного труда, не вызывает у Элени доверия. Но, по ее словам, Истрати без ума от фабрики, хочет потрогать собственными руками «эти чудеса, возникшие по воле советских людей», в восторге, что у России будет своя бумага³⁹. Ясно, что восторг Истрати прошел, и в книге его нет.

Они плывут по Волге на колесном пароходе, который, как пишет Элени, «сохранил свою былую роскошь»⁴⁰. Истрати же восхищается прекрасными современными и комфортабельными пароходами. Затем — Казань, о которой Истрати вспоминает «как об одном из самых дружественных и исполненных энтузиазма волжских городов»⁴¹. Здесь он отмечает трагедию у большей части населения, которую большевики победят, построив офтальмологический институт, и экзотические сувениры. В заключение он перечисляет людей, принимавших их, и неожиданно спрашивает: «А ты, Таиров, казавшийся мне самым крепким из всех,

почему ты пустил себе пулю в лоб?»⁴² Говоря о Казани, Элени упоминает достопримечательности города, гида — комиссара народного образования Таирова, посещение сувенирной лавки, живописуемое ею в подробностях, как и восторг Истрати, облачившегося в национальную татарскую одежду. Ее поражает самоубийство Таирова, произошедшее через несколько месяцев после их отъезда. Ей запомнилась школа, где дети затрудняются ответить на простые вопросы о своем городе, но все знают, кто такой Ленин, и теплые слова татар, пришедших на пристань попрощаться «со своим писателем»⁴³.

А писатель и фотограф уже делает моментальные снимки следующих городов. Вот Самара, центр печально известного голода в Поволжье (1920–1921). Истрати был возмущен и в недоумении, не найдя в краеведческом музее экспозиции о голоде. Причина — якобы в отсутствии подходящего места. Но все же им показывают документы, повергающие всех в ужас: «На фотографиях кошмар... Доклады милиционеров, которые вели расследование случаев людоедства, это повествование, которое ни один писатель не способен выдумать. Все красноречиво говорит об эпохе пыток, постыдной для человека»⁴⁴. Все документы и фотографии испорчены, клише разбиты. Элени продолжает эту историю: «Самара все забыла. ...А вот в саратовском музее, совершенно уникальном музее Великого голода, нам рассказали гораздо больше, чем любой выживший в те мрачные времена»⁴⁵. Услышанное о каннибализме, о нансеновской помощи в виде фраков и цилиндров, присланных как бы в насмешку голодающим, заставляет Истрати рыдать: «Вечером он снова идет к фотографу... возвращается с большим пакетом в руках. Зовет нас. Его глаза лихорадочно блестят, а ловким рукам не удается развязать узел. Он хватается за ножницы. Кровать покрывается призраками и трупами. Как описать ад? Телеги, груженные трупами детей. Бараки, где пытаются ухаживать за голодающими — животы, надутые как барабан, ноги-веревочки, провалившиеся глаза...»⁴⁶

Пребывание в Астрахани отмечено встречей с сосланным троцкистом Кристианом Раковским⁴⁷ и борьбой с зыбучими песками. Истрати⁴⁸ и Элени почти одинаково пересказывают ответ Раковского на вопрос, не разочарует ли их СССР: «Как сказать... Будешь смотреть поверху, разочаруешься. Сумеешь увидеть, поймешь... Тебе понравится наше дело...»⁴⁹ Истрати удручен: Раковский живет в кишачей клопами гостинице, в маленькой комнатке; за заваленным книгами столом, больной малярией, он пишет о Сен-Симоне⁵⁰. Элени оптимистичнее: ждали худшего — тюрьмы. «Представьте теперь нашу радость, когда мы узнали, что Раковский живет в гостинице, в просторной солнечной комнате, с книгами и электрическим кофейником»⁵¹. Мелкие разночтения можно отнести и на счет памяти каждого, и на то, что Истрати, обращаясь к судьбам оппозиционеров, прагматически сгущает краски и без того трагических реалий времени. Элени отмечает радость ссыльного при виде друзей, их беседы об истории, но при этом и его осторожность, уклончивые ответы, умолчания. Ей видно, что Истрати изо всех сил старается не «смотреть поверху»

и «все еще всем своим существом любит русский коммунизм»⁵². Поездка к знаменитым лотосам в дельте Волги оборачивается знакомством с ученым Орловым, бросившим вызов пескам. Для Истрати его подвиг — «это рама для эпического романа»⁵³. Элени вникает в тонкости объяснений ученого, пишет о деревенских жителях, вынужденных переселяться из-за песчаной угрозы. В Раковском и Орлове она ценит поэтов, восхищающихся уникальными лотосами: «Когда мы покидали Астрахань, мы знали, что Великая Идея не убила романтизм, любовь к прекрасным и бесполезным вещам все еще существует у всех, и мы этим гордились»⁵⁴.

Баку. Поглощенный безуспешным поиском оправдания революции, Истрати пишет: «Новое посещение буровых, стоящих плотно, как лес. Что я знаю о судьбе рабочих? И что я могу знать, сравнивая цифры? Я знаю судьбу рабочего, когда работаю с ним вместе. Но сегодня, пересаживаясь из официальных автомобилей прямо за банкетные столы, я даже не хочу идти их расспрашивать: они станут смеяться над тем господином, каким я стал, или сокрушат меня»⁵⁵. Для него нефть — начало следующей мировой бойни, поэтому он не повествует о нефтяных камнях, отвоеванных у моря, о которых пишет Элени. Она тоже жалуется на обилие цифр в блокноте Истрати⁵⁶. Они слушают первую мусульманскую оперу «Шах Исмаил», где наивно смешаны восточная и европейская традиции. Истрати спародирует ее на радость друзьям, исполнив танец живота и распевая на греческом.

Подмеченные Элени незначительные детали передают атмосферу эпохи и дают большее представление о жизни в СССР, чем рассуждения Истрати о печальной судьбе российского пролетариата. Таков ее рассказ «Шелковые чулки». На Батумском рынке процветает спекуляция контрабандными шелковыми чулками. И хотя за их ношение грозит исключение из партии, «женщины, если бы могли, продали бы СССР за пару шелковых чулок»⁵⁷. Снова ее женский взгляд выхватывает важную деталь из жизни народа: «Глупышки! Вот уже десять лет вы уродуетесь, таща на себе колымагу СССР, вот уже десять лет у вас нет ночей для личной жизни и любви, и вы не жалуетесь. Но без шелковых чулок жизнь вам кажется невозможной!»⁵⁸

Она упоминает конфликт между Истрати и Казандзакисом, еще недавно писавших в таком согласии, что Истрати легко подписывал статьи друга⁵⁹. Импульсивного Истрати, нетерпеливого и уже готового выразить накопившееся возмущение⁶⁰, раздражает выжидательная позиция Казандзакиса. «Переживаемый нами момент столь важен, что любая ложь была бы бесчестной, — наставляет тот. — Долг каждого — сказать правду... К несчастью, наша жизнь коротка и едва ли у нас будет время угадать... к чему приведет посыл нашей эфемерной эпохи»⁶¹.

Знакомство с жизнью в Закавказье позволяет Истрати вынести приговор, по сути, всему советскому строю: «Для меня это упадок веры. Закавказье, империя произвола протягивает руку Кавказу, стране коммунистического разгула, и оба они дополняют общее

правило СССР. Нет и следа воли, идущей снизу. Угнетение сверху. ...Тон действующей политики: раздавить всякое поползновение к духовной независимости, к настоящей критике; воспользоваться всяким, кто согласится голосовать "в соответствии с линией" партии и профсоюзов»⁶². Истрати все больше уходит в публицистику, в обобщения, критику и обвинения, за которыми стоят его встречи, трудные разговоры, наблюдения, мучительные раздумья. Благодаря Элени используемый им материал выходит на поверхность. Беседуя с крестьянами, он узнал «нечто ужасное» и, «вне себя», «мятущийся, как лев в клетке», рассказал об этом друзьям; «было что-то невыразимо горестное в перекошенном лице Истрати»⁶³. Что же его поразило? Парадокс: Советы распространяют брошюры, обучающие крестьян научному ведению хозяйства, но те, кто следуют им, живут лучше, чем остальные, становясь кулаками, врагами народа. Один крестьянин, чтобы избежать участи кулака, в одну ночь выкорчевал свой виноградник. «Он спасся! Ценой выкорчеванных 2500 лоз винограда. Спасся. Вы можете это понять?»⁶⁴

В Армении «настроение у Панаита ниже нуля», но «в хорошем ли, плохом ли настроении, ненасытный, он хочет все повидать, пощупать, попробовать...»⁶⁵ Его заметки об Армении скудны, свидетельствуют о его разочаровании в коммунизме. «Сегодня я знаю, — пишет Истрати, — чем он стал в гнусных руках человека, этот коммунизм теперь мне кажется губителем жизней»⁶⁶. Элени пишет о людях, встреченных в Армении, о природе, сравнивает национальные характеры грузин и армян.

Рассказ о путешествии — форма открытая и свободная: заметки, записки, дневники, письма, очерки, воспоминания. Зачастую повествование выстраивается линейно вдоль хронотопа дороги (даты и места существуют объективно, а описание событий, людей, пейзажей — субъективно) и отвечает задачам, которые ставит перед собой автор. Определенную роль играет временная дистанция, ретроспективное осмысление пережитого. Истрати, писатель, журналист и публицист, нанятый советским государством в пропагандистских целях, был обязан проводить идеологию, угодную заказчику, показать страну, вопреки всем «временным трудностям» идущую к «светлому будущему». Но заказчик, как и во многих других случаях, просчитался, получив вместо панегирика книгу, вопиющую во весь голос о несправедливостях, преступлениях и беззакониях нового режима, призывающую обратиться к «другому пламени».

Книга Элени Казандзакис никого явно не обвиняет. Автор, кажется, не касается политики, просто делится своими впечатлениями, приводит факты, наблюдает за попутчиками. Но и ее воспоминания не прославляют режим. И не только потому, что она преследует цель по-своему объяснить Истрати и показать трагедию оклеветанного писателя, сказавшего правду, но и потому, что ее текст также является художественным видением пережитого. Хочет она того или нет, как и в книге Истрати, у нее хронотоп дороги тоже пересекается с историей непознанной страны. Написанные с небольшим временным разрывом — всего

в несколько лет, книги Истрати и Э. Казандзакис по своей манере, форме, целям разительно отличаются друг от друга, сходясь, однако, в главном — в оценке и неприятии режима, очевидцами которого они стали волею судьбы.

¹ Статья опубликована при поддержке РФНФ. Проект № 15-24-08001 АМ.

² Тогда же СССР посетили французские писатели разных политических ориентаций: А. Барбюс, Л. Мусинак, Ж. Дюамель, Л. Дюртен.

³ *Istrati P. Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'URSS: Confession pour vaincus: édition complétée par de nombreux documents annexes.* Paris, 1987.

⁴ *Istrati P. Vers l'autre flamme.* Paris, 1980.

⁵ В архиве Пьера Паскаля, еще одного разочаровавшегося в советском режиме, который к моменту приезда Истрати в СССР провел там более 10 лет, хранятся вырезки из советских газет, отражающие перипетии, связанные с травлей Истрати (BDIC F delta rés 883(2) (1–13). [Recueil. Fonds Pierre Pascal. Archives]). О П. Паскале см.: *Coeuré S. Pierre Pascal: La Russie entre christianisme et communisme.* Lausanne, 2014.

⁶ См.: Documents annexes // *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. P. 193–309; *Bacot J.-F. Panaït Istrati ou la conscience écorchée d'un vaincu // Moebius: écritures / littérature.* 1988. N 35. P. 95–114. — URL: <http://www.erudit.org/culture/moebius1006620/moebius1008587/15212ac.pdf> (дата обращения: 10.07.2015).

⁷ Об этом пишет Пьер Паскаль, сначала отнесшийся к Истрати с большим недоверием. Рассказав о притязаниях румынского писателя на огромные гонорары, Паскаль делает вывод: «Совершенно очевидно, что он продан... это общее явление последнего времени: Р. Роллан, Горький, Истрати, то есть те интеллектуалы, которые симпатизировали новой России, но проявляли сдержанность по ряду пунктов, полностью присоединяются и воздают почести советскому правительству именно тогда, когда оно отрекается от революционных идей...» (*Pascal P. Journal de Russie 1928–1929 / éd. et annoté par J. Catteau, S. Coeuré, J. Bouvard.* Lausanne, 2014. P. 225–226). Отношение П. Паскаля изменилось только во время «Дела Русаковых», в котором Истрати принял живое участие. О «Деле Русаковых» см.: *Coeuré S. Op. cit.* P. 256–261.

⁸ *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. P. 68.

⁹ “Prudentissime” («осторожнейший») называл Р. Роллана Виктор Серж в письмах к Истрати. См. письмо В. Сержа к П. Истрати из Москвы от 30 марта 1930 г., опубликованное в Приложении к воспоминаниям Э. Самюс-Казандзакис (*Samios-Kazantzaki E. La véritable tragédie de Panaït Istrati / texte présenté par A. Jappe suivi des correspondances de P. Istrati avec V. Serge et N. Kazantzaki.* Lignes, 2013. P. 321).

¹⁰ *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. P. 46.

¹¹ *Ibid.* P. 92.

¹² *Ibid.* P. 55.

¹³ См. о технологии приема французских интеллектуалов в СССР: *Mazuy R. Croire plutôt que voir ? Voyages en Russie soviétique (1919–1939).* Paris, 2002; *Coeuré S., Mazuy R. Cousu de fil rouge: Voyages des intellectuels français en Union soviétique — 150 documents inédits des Archives russes.* Paris. CNRS Editions. 2012. S. I.

¹⁴ *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. — См. главы «Прелюдия к празднованию и размышления одинокого человека» (Préludes des fêtes et divagations d'un homme seul. P. 59–63) и «Вокруг празднования X-й годовщины» (Autours des fêtes du Xe anniversaire. P. 63–70).

¹⁵ *Ibid.* P. 59.

¹⁶ Ibid. P. 60.

¹⁷ Ibid. P. 74.

¹⁸ Ibid. P. 75.

¹⁹ Ibid. P. 75.

²⁰ Ibid.

²¹ Истрати обратится по рекомендации Б. Суварина к его друзьям, давно живущим в советской России, — французским интеллектуалам В. Сержу и П. Паскалю. Эти диссиденты первых лет советской власти оказали свое влияние на восприятие им советской действительности. См. переписку В. Сержа и П. Истрати в Приложении к воспоминаниям Э. Самиос-Казандзакис: *Samios-Kazantzaki E. Op. cit. P. 271–335 (Annexe II. Lettres de Victor Serge à Panaït Istrati (1929–1931))*.

²² Вернувшись на Запад, Н. Казандзакис в Греции опубликовал серию репортажей, посвященных этому путешествию, и написанный по-французски роман «Тода Раба. Москва прокричала» (*Toda Raba. Moscou à crié, 1935*).

²³ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit. P. 31.*

²⁴ Об истории этой рукописи (от которой сохранилась лишь ее машинописная копия), написанной по-французски, но изданной в испанском переводе в Чили в 1938 г., см. предисловие Ансельма Жаппа к ее первому французскому изданию: *Anselm J. Présentation // Samios-Kazantzaki E. Op. cit. P. 7–16.*

²⁵ Панаит Истрати скончался в 1935 г. в возрасте 51 года от тяжелой формы туберкулеза, на родине, в Румынии, почти всеми забытый.

²⁶ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit. P. 19.*

²⁷ Ibid. P. 40.

²⁸ *Istrati P. Vers l'autre flamme... 1987. P. 46–140.*

²⁹ *Souvarine B. Souvenirs sur Isaac Babel, Panaït Istrati, Pierre Pascal — suivi de Lettre à Alexandre Soljenitsyne. Paris, 1985. P. 29.*

³⁰ *Istrati P. Vers l'autre flamme... 1987. P. 95.*

³¹ Ibid. P. 20.

³² Аналогичное впечатление о ярмарке оставил П. Паскаль, посетивший ее тем же летом 1928 г.: *Pascal P. Op. cit. P. 292–297.* — В 1929 г. ярмарка окончательно закрылась.

³³ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit. P. 23–25.*

³⁴ *Istrati P. Vers l'autre flamme... 1987. P. 113.*

³⁵ Ibid. P. 114.

³⁶ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit. P. 27.*

³⁷ Ibid. P. 27.

³⁸ *Istrati P. Vers l'autre flamme... 1987. P. 114.*

³⁹ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit. P. 27–28.*

⁴⁰ Ibid. P. 43.

⁴¹ *Istrati P. Vers l'autre flamme... 1987. P. 115.*

⁴² Ibid. P. 115. — Количество и рост числа самоубийств среди ответственных работников в это время были для Сержа, Паскаля, Суварина одним из важнейших показателей общественного неблагополучия, когда единственным выходом загнанной в жизненный тупик и затравленной личности был уход из жизни.

⁴³ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit. P. 47–48.*

⁴⁴ *Istrati P. Vers l'autre flamme... 1987. P. 117.*

⁴⁵ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit. P. 51.*

⁴⁶ Ibid. P. 55.

⁴⁷ П. Истрати прибыл в СССР вместе с К. Раковским, послом СССР во Франции (октябрь 1925 – октябрь 1927), которого вскоре как деятеля оппозиции отправили в ссылку в Астрахань.

⁴⁸ *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. P. 53.

⁴⁹ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit.* P. 78.

⁵⁰ *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. P. 122.

⁵¹ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit.* P. 73.

⁵² *Ibid.* P. 78.

⁵³ *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. P. 123.

⁵⁴ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit.* P. 81.

⁵⁵ *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. P. 129.

⁵⁶ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit.* P. 86.

⁵⁷ *Ibid.* P. 92.

⁵⁸ *Ibid.* P. 94.

⁵⁹ *Ibid.* P. 100.

⁶⁰ См. письмо Истрати к В. Л. Герсону, секретарю ГПУ, в котором он отказывается от подписанных им статей Казандзакиса, опубликованных на Западе, считая их «самыми честными и самыми смелыми», но не соответствующими его собственной манере выражать свои мысли: *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. P. 198.

⁶¹ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit.* P. 105. — Отрезвленный, а может быть, и более прагматический взгляд Казандзакиса отметил и П. Паскаль во время встречи с путешественниками перед их отъездом на Волгу. «Писать вещи, приятные правительству СССР, до, во время и после путешествия», — ответил Казандзакис, несомненно, подрастерявший иллюзии, на вопрос о том, как заслужить такую командировку (*Pascal P. Op. cit.* P. 286).

⁶² *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. P. 131.

⁶³ *Samios-Kazantzaki E. Op. cit.* P. 116.

⁶⁴ *Ibid.* P. 117.

⁶⁵ *Ibid.* P. 125.

⁶⁶ *Istrati P. Vers l'autre flamme...* 1987. P. 127.

УДК 82.091(44)

Легенькова Е. А. Путешествие в Россию 1928 г. глазами Элены Самиос-Казандзакис: в защиту Панаита Истрати // Новейшая история России. 2015. № 3 (14). С. 110–120.

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается гендерный аспект восприятия большевистской России конца 1920-х гг. пролетарским писателем Панаитом Истрати, «румынским Горьким», и Элены Самиос-Казандзакис (женой греческого писателя Никоса Казандзакиса). Приглашенные на празднование 10-й годовщины октябрьской революции румынский и греческий писатели, а также их подруги, совершили длительное совместное путешествие по СССР, результатом которого стала нашумевшая на Западе книга П. Истрати «К другому пламени» (1929) и воспоминания Э. Самиос-Казандзакис «Настоящая трагедия Панаита Истрати», написанная вскоре после смерти писателя, в 1935 г., но опубликованная только в 2013 г. Во время поездки, длившейся с августа 1928 г. по январь 1929 г., путешественники побывали в ряде крупных волжских городов от Казани до Астрахани, в Баку, в Закавказье. Наблюдаемые Истрати советские реалии приводят его к разочарованию в режиме, который он с энтузиазмом поддерживал в начале путешествия, и определяют характер его официального свидетельства — страстных публицистических обвинений

в адрес сталинского СССР. Основной пафос книги Самиос-Казандзакис — оправдание затравленного советской и левой западной прессой Истрати, свидетельство в его пользу, объяснение, почему он не оправдал надежд, возлагавшихся на него советской пропагандой. Параллельный анализ текстов Истрати и Самиос-Казандзакис показывает, что авторы путевых заметок по-разному наблюдают за происходящим, но сходятся в главном — в неприятии режима, очевидцами которого они стали волею судьбы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: большевистская Россия, путешествие по СССР, оппозиция, гендер, свидетельство, документ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат филологических наук, заведующая кафедрой немецкого и романских языков, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов (Санкт-Петербург, Россия); ussrrus133@yahoo.com

Legenkova E. A. A Trip to Russia in 1928 Through the Eyes of Eleni Samios-Kazantzaki: in Defense of Panaît Istrati

ABSTRACT: The article deals with gender-based perception of Bolshevik Russia at the end of 1920s by proletarian author Panaît Istrati, "Rumanian Gorki", and Eleni Samios-Kazantzaki, wife of Greek writer Nicos Kazantzaki. Invited to the celebration of the 10th anniversary of the October Revolution, Rumanian and Greek writers, as well as their girlfriends, made a long journey together through the Soviet Union. It is reflected in the sensational book by P. Istrati "To another flame" published in the West and memories of E. Samios-Kazantzaki "The real tragedy of Panaît Istrati", written shortly after his death in 1935, but published only in 2013. During the trip, which lasted from August 1928 to January 1929, travelers had visited a number of large cities along the Volga from Kazan to Astrakhan, Baku, the Caucasus. The Soviet realities observed by Istrati led him to disillusionment with the regime, which he enthusiastically had supported in the beginning of the journey, and determined the nature of his official testimonial — passionate journalistic accusations against Stalin's Soviet Union. The main aim of Samios-Kazantzaki book was to excuse Istrati, hunted by Soviet and Western left press, to testimony in his favor, to explain why he had not fulfilled the hopes pinned on him by Soviet propaganda. Parallel analysis of texts by Istrati and Samios-Kazantzaki shows that the authors of notes of a journey observed soviet realities in different manners but converged in the main — in opposition to the regime, witnesses of which they had become by fate.

KEYWORDS: Bolshevik Russia, trip in the USSR, opposition, gender, testimony, document.

AUTHOR: Candidate of Philology, Head of the German and Romanic Department, St. Petersburg University of Humanities and Social Sciences (St. Petersburg, Russia); ussrrus133@yahoo.com

REFERENCES:

¹ Istrati P. *Vers l'autre flamme: Après seize mois dans l'URSS: Confession pour vaincus: édition complétée par de nombreux documents annexes* (Paris, 1987).

² Istrati P. *Vers l'autre flamme* (Paris, 1980).

³ Coeuré S. *Pierre Pascal: La Russie entre christianisme et communisme* (Lausanne, 2014).

⁴ Bacot J.-F. 'Panaît Istrati ou la conscience écorchée d'un vaincu', *Moebius: écritures / littérature*, no. 35, 1988.

⁵ Pascal P. *Journal de Russie 1928–1929*, Ed. and comm. J. Catteau, S. Coeuré, J. Bouvard (Lausanne, 2014).

⁶ Samios-Kazantzaki E. *La véritable tragédie de Panaît Istrati* (Lignes, 2013).

⁷ Mazuy R. *Croire plutôt que voir ? Voyages en Russie soviétique (1919–1939)* (Paris, 2002).